

СТРАННИК

В ПОИСКАХ ДРЕВНЕГО ЯЗЫКА

СЛОВО
НЕ ОПИСЫВАЕТ
РЕАЛЬНОСТЬ —
ОНО
ТВОРИТ ЕЁ

ФЕНЯ
ШАМАНЫ
БЛАТНОЕ СЛОВО

Странник
В поисках древнего языка

«Автор»

2026

Странник

В поисках древнего языка / Странник — «Автор», 2026

Профессор филологии и его подруга-лингвист находят древнюю тетрадь с языком, который убивает. Остатки этого до-вавилонского наречия — не в научных трудах, а в воровской фене, шаманском пении и блатном жаргоне. За героями охотятся Хранители Порога — те, кто веками прятал Слово. Смогут ли они расшифровать грамматику богов раньше, чем их настигнет проклятие произнесённого вслух имени? И что страшнее — умереть от слова или научиться им владеть? Мистический триллер о том, что язык не описывает реальность — он творит её.

© Странник, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Шепот в пергаменте	5
Глава 2. Воры в законе и боги-жулики	10
Глава 3. Грамматика бездны	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Странник

В поисках древнего языка

Глава 1. Шепот в пергаменте

В подвале университетской библиотеки всегда пахло смертью. Не трупной, нет — благородной, книжной смертью: истлевшая кожа переплётов, окисленные чернила, табачный налёт на бумаге XIX века и чуть уловимая сладость — то, чем травят жучков-кожеедов уже седьмой десяток лет.

Алексей Светозаров любил этот запах. Любил до одури, до головокружения, до того самого состояния, когда начинаешь различать века по запаху: восемнадцатый пахнет дегтем и воском, девятнадцатый — кожей и табаком, начало двадцатого — порохом и керосином. Он мог бы стоять здесь часами, водя пальцем по пыльным корешкам, но сегодня время поджимало.

— Лёша, ты где? Там твой аспирант уже три раза звонил, — голос Веры прозвучал откуда-то сверху, с лестницы, выложенной чугунными плитами ещё при царе-батюшке.

— Спускайся. Я нашёл кое-что.

Он не обернулся. Сидел на корточках перед нижней полкой стеллажа «Редкий фонд, группа 14», где пылились необработанные материалы дореволюционных диалектологов. Даль, Потеня, Шахматов — имена, которые заставляли сердце биться чаще. Но сегодня его внимание привлекла не книга, а картонная папка без опознавательных знаков. На обороте — карандашная пометка, выцветшая до прозрачности: *«Офенский говор, особые отметины. Хранить отдельно»*.

Вера спустилась, цокая подошвами, встала за спиной. От неё пахло кофе и яблоками — контраст с библиотечным тленом.

— Офенский? Это же те самые коробейники? — она автоматически включила профессиональный режим. — Файл с материалами по Ивановской области, село Алексино? Я помню, там герб с офеней, ещё Даль ездил

— Именно. — Алексей осторожно развязал ленту. — Но смотри.

Папка оказалась двойной. Верхний слой — стандартные записи: быт офеней, списки слов, присказки. «Век живи, век учись — дураком помрёшь» и перевод на феню: *«Пехаль киндриков куравь, пехаль киндриков лузнись — смурьяком отемнеешь»*. Всё это давно было опубличено, изучено, переиздано.

Нижний слой — другое.

Тетрадь в чёрном коленкоре, перевязанная суровой ниткой. На первой странице — не разборчивый почерк, а какая-то вязь, похожая и на скоропись, и на тайнопись одновременно. И поверх — фиолетовые штампы: «Секретно», «Опечатано. Учреждение К-231».

Вера присвистнула.

— К-231? Это же Вятлаг. Лагерный архив.

— Дальше больше. — Алексей перевернул страницу.

Там было что-то, что не вписывалось ни в одну известную языковую схему. Буквы — кириллица, но странная, с дополнительными значками, похожими на ударения, цезуры и музыкальные ноты одновременно. Слова — короткие, рубленые, похожие на корневые морфемы, но без привычных флексий. И рядом — карандашом, явно рукой заключённого: *«Слова не для письма. Слова для дела. Сказать — сделать. Не повторять без осторожности»*.

Вера нахмурилась, придвинулась ближе. Её пальцы, профессионально привыкшие к клавиатуре, дрогнули.

— Это не диалект, Лёш. Это вообще не язык в нашем понимании. Тут нет разницы между существительным и глаголом. И время чёрт, тут время не линейное.

— Ты видишь то же, что и я? — Алексей поднял на неё глаза. — Три времени. Но не прошлое, настоящее, будущее. А «было», «есть» и «причиняет».

— И семь родов. — Вера провела пальцем по строчке. — Мужской, женский, средний дальше «воровской», «жреческий», «звериный» и «божественный». Лёша, кто это вообще мог придумать? Это же не грамматика, это космология.

Алексей помолчал, потом достал телефон, включил фонарик и подсветил последнюю страницу тетради. Там, в самом низу, было написано уже явно не заключённым, а кем-то позже — шариковой ручкой, семидесятые годы, наверное:

«Первозыск. Единый до Вавилона. Боги говорили на нём с людьми. Остатки — у офеней, жгонов, блатных. Феня — не жаргон. Феня — остаток. Ищи связь с дочерними формами: воровские боги, Гермес, Локи, Сетх. Кто владеет словом — владеет миром. Хранители знают. Они придут».

И ниже — буквами, выведенными с нажимом: «Атас».

Они переглянулись.

— Это же блатное, — тихо сказала Вера. — «Атас» — сигнал тревоги, опасность. Откуда это в лагерной тетради 1944 года?

— Оттуда, откуда и всё остальное. — Алексей захлопнул папку. — Я забираю это с собой.

— Нельзя, это же спецхран.

— Вера, посмотри на меня. Я профессор филологии, доктор наук, и я только что увидел нечто, что ломает всё, чему я учил студентов. Если это подлинник, то языки не возникают эволюционно. Эта штука слишком системна, слишком правильна. Такое нельзя придумать. Его можно только вспомнить.

Он убрал папку в свой рюкзак, застегнул молнию. Встал, потянулся, и в этот момент наверху, в читальном зале, раздался крик.

Один. Короткий. Оборвавшийся, как перерезанная струна.

Они выбежали наверх одновременно. Вера первой — у неё ноги быстрее, спортивная закалка ещё со школы. Алексей следом, с рюкзаком за спиной, на бегу застёгивая пуговицы.

Читальный зал заливало солнцем. Пыль плясала в косых лучах. И на полу, между стеллажами «История языкознания 1900–1920», лежал человек.

Сергей Сергеевич Веселовский, старший хранитель фондов, шестьдесят семь лет, стаж пятьдесят три года, отец троих детей, дед пятерых. Сейчас — серое лицо, открытые глаза, и совершенно нечеловеческий застывший ужас на губах.

Вера опустила на колени, проверила пульс. Подняла глаза, покачала головой.

— Мёртв.

— Вызвать скорую, — начал было Алексей, но Вера перебила:

— Поздно. Он уже час как мёртвый. Остыл.

— Но мы же слышали крик

— Вот именно. — Вера поднялась, осторожно отодвинула стул. — Мёртвый час назад человек не может кричать. Если только

Она не договорила. Они оба подумали одно и то же: аудиозапись, чей-то голос, что-то постороннее. Но в читальном зале не было динамиков. И оконные стёкла были целы.

Алексей присел над телом и заметил то, что сначала ускользнуло. В правой руке Веселовского был зажат листок бумаги — машинопись, явно старая, на гербовой бумаге ещё советского образца. Он осторожно разжал пальцы, вытянул листок.

Там было напечатано всего пять строк. Но каждая последующая была страшнее предыдущей.

«Абвер — оперативная часть колонии. Академия — тюрьма. Атас — общий сигнал тревоги. Ботать по фене — разговаривать на блатном жаргоне. Кто ботает — того слышат те, кто не умер.»*

Звёздочка в конце была не опечаткой. Она была выведена чернилами поверх машинописи, от руки. И под ней — приписка:

«Прости, Серёжа. Ты слишком много знал. Они услышали.»

— Вера, — Алексей поднялся и повернулся к ней. В его голосе не было паники, только холодная, профессиональная собранность. — Мы уходим. Сейчас. И никому не говорим про папку.

— Что?

— Ты слышала. Это не естественная смерть. Посмотри на его лицо. Это не инфаркт, не инсульт. Это *страх*. Буквально. У него сердце остановилось от страха. Но чего боялся старый библиотекарь в пустом читальном зале?

Вера хотела возразить, но осеклась. В углу комнаты, там, куда не доставали лучи солнца, она заметила нечто странное. На стене — тень. Но не от тела, не от стула, не от шкафа. Тень, похожая на человеческий силуэт, но с непропорционально длинными руками. И словно бы с крыльями?

Она моргнула. Тень исчезла.

— Пошли, — сказала она.

В машине они молчали первые полчаса. Алексей вёл, Вера сидела с папкой на коленях, перечитывая записи заключённого. Она уже поняла, что это не подделка. Языковой анализ — её конёк — показывал невероятные вещи.

— Лёша, тут встроенная фонетика, — наконец сказала она. — Этот язык нельзя произнести как попало. У него есть интонационная сетка, похожая на музыкальную партитуру. Одно и то же слово, сказанное с разным ударением, меняет смысл на противоположный.

— Как в китайском, — кивнул Алексей, не отрываясь от дороги.

— Нет. В китайском тон меняет лексему. А тут тон меняет реальность. Вот смотри. — Она ткнула пальцем в строчку: — *«Кчон не мастырит, тот не бряет»*. Это офеньская пословица, вариант «кто не работает, тот не ест». Даль её записал как бытовую. А заключённый написал рядом: *«На самом деле — формула отказа божеству. Дословно: не дающий дела не получает пищи от богов. Использовалось для разрыва контракта с низшими духами»*.

— То есть это не призыв к труду, а магическая формула?

— Именно. И таких формул в этой тетради — штук двести. Они все замаскированы под пословицы, поговорки, байки. А по сути — это *процедурный язык*. Команды. Код операционной системы реальности.

Алексей присвистнул.

— А наш покойный Веселовский, выходит, понял это раньше нас. И кто-то очень не хотел, чтобы он делился пониманием.

Они въехали в лес. Дорога стала хуже, но Алексей не сворачивал. Он вёл к дому своей тётки в Костромской области — заброшенной деревне с двумя жилыми домами, без интернета и мобильной связи. Туда, где можно было спокойно разобрать тетрадь.

Вера смотрела в боковое зеркало. Чёрный внедорожник с тонированными стёклами шёл за ними уже двадцать километров.

— Лёш, у нас хвост.

— Вижу.

— Кто это?

— Я боюсь предположить. Помнишь, в тетради было написано: *«Хранители придут»?* Похоже, они уже пришли.

Внедорожник нагнал их на пустынном участке дороги, где лес подступал к асфальту с обеих сторон. Не сигналил, не мигал фарами. Просто шёл вровень, и в опущенном стекле показалось лицо — обычное, ничем не примечательное, как у миллиона российских мужчин. Но глаза

У Веры перехватило дыхание. В этих глазах не было злобы. Не было ненависти. В них было *знание*. Такое же, как у неё сейчас, только умноженное на страшную силу уверенности.

— Остановитесь, — сказал человек. Голос был спокоен, даже вежлив.

Алексей не остановился. Нажал на газ. «Логан» взревел, но внедорожник легко держался рядом.

— Я сказал: остановитесь. Вы взяли чужое. Верните папку — и мы забудем дорогу к вашему дому.

— Что за папка? — крикнула Вера в окно. — Мы понятия не имеем

— Не надо, — перебил человек. — Ваш покойный коллега тоже пытался врать. Дар слова ему не помог. А уж у вас, голубушка, врождённая афазия по отношению к протоязыку. Так что не рискуйте.

Вера похолодела. *Афазия по отношению к протоязыку* — этот термин был только в тетради, на странице 47, в разделе «Носители». Она прочитала его два часа назад. Никто в мире, кроме неё и Алексея, не мог знать этого словосочетания.

— Откуда вы

— Из того же места, что и вы. Из тени. Последний раз предупреждаю: вы не понимаете, с чем имеете дело. Это не научный артефакт. Это оружие. И мы храним его, чтобы никто не пострадал.

— Как Веселовский? — зло спросил Алексей, не сбавляя скорости.

Человек в окне на миг замолчал. Потом улыбнулся — безрадостно, одними губами.

— Веселовский начал произносить вслух слова, которые не предназначены для этого века. Мы не убили его. Он убил себя сам, когда попытался сказать «аминь» на языке богов. Вы же, профессор, филолог. Вы должны знать: аминь — это не «да будет так». Аминь — имя. И оно жжёт.

Он поднял руку. На ладони лежал маленький камешек — чёрный, гладкий, похожий на базальт. Человек дунул на него, и камешек рассыпался в пыль.

— Следующим будете вы.

Внедорожник резко ушёл в сторону, свернул на просёлок и исчез в облаке пыли.

Алексей не останавливался, пока не кончилась дорога. Потом заглушил двигатель и уткнулся лбом в руль.

— Вера, мы во что-то вляпались.

— Вляпались — это мягко сказано. — Она достала телефон, но сети не было. — Они знают про папку. Они знают про нас. Они даже знают про твою тётку в Костромской области. Лёша, это не спецслужбы. Это

— Это то, что в тетради названо «Хранители Порога». Я понял.

Он поднял голову и посмотрел на неё. В глазах — не страх. Решимость. Та самая, от которой Вера влюбилась в него десять лет назад, когда он на спор выучил за месяц древнеисландский и прочитал «Старшую Эдду» в оригинале.

— Мы идём до конца, — сказал он. — Вернёмся в Москву, разберём тетрадь, найдём корни этого языка. Если Веселовский умер от слова — значит, слово имеет власть. И если власть есть, её можно изучить. Я филолог. Я умею разбирать тексты.

— А если текст разберёт тебя?

— Тогда ты напишешь обо мне некролог. Главное — не слово «атас». Я теперь это слово ненавижу.

Он усмехнулся, завёл мотор, и они развернулись обратно — в сторону города, тайны и человека с чёрным камнем, который рассыпался в пыль от одного дуновения.

Вера прижала папку к груди и закрыла глаза.

Под веками всё ещё стояла та тень в читальном зале — с непропорционально длинными руками. И ей вдруг показалось, что крылья у той тени были не декоративные. Настоящие. И жили они своей, отдельной от тела жизнью.

Как слова, которые ждут, когда их произнесут.

Глава 2. Воры в законе и боги-жулики

Они не поехали в Москву. Это было бы самоубийством.

Вместо этого Алексей свернул на трассу М7 в сторону Владимира, а оттуда — на Иваново. Вера сначала не поняла зачем, потом до неё дошло.

— Мы едем к офеням? — спросила она.

— К их потомкам. Село Алексино, Савинский район. Родина коробейников. Если остатки языка где-то и живут — то там.

— А если Хранители нас опередят?

— Тогда нам конец. — Алексей говорил буднично, как о погоде. — Но они, кажется, ждали, что мы спрячемся в городе. Или в лесу. А то, что мы поедем на родину фени это для них неочевидно.

Он был прав, и Вера это знала. Но ей всё равно было страшно.

Всю дорогу она разбирала тетрадь заключённого. Имя того, кто её вёл, она установила быстро — по инициалам и лагерному номеру в углу страниц. *Б. Е. Шестов, 1905 г.р., филолог-классик, осуждён по 58-й статье на 10 лет ИТЛ*. В Вятлаге оказался не просто так — преподавал древние языки в ленинградском университете, попал под чистку как «троцкист». А в лагере его тайно попросили разобрать странный архив, изъятый у расстрелянного этнографа.

Тот этнограф, как выяснила Вера из обрывков записей, ещё в 1920-х годах изучал офеней Владимирской губернии. И заметил нечто странное: их язык не был искусственной тарбарщиной, как думали раньше. У него была грамматика. Недостроенная, обломанная, словно руины древнего храма, но грамматика. Спряжения, падежи, времена — пусть и неполные.

Этнограф собрал словарь, сделал записи, а потом исчез. А через тридцать лет его архив попал к Шестову. И тот, сидя в лагере, понял страшную вещь: офенская феня — это не искажённый русский. Это *русский, наложенный на более древнюю матрицу*. Как фреска поверх фрески. И если стереть верхний слой

— Он не успел, — вслух сказала Вера.

— Что? — Алексей покосился на неё.

— Шестов. Он понял, что язык можно *восстановить*. Реконструировать, как реконструируют праиндоевропейский. Только праиндоевропейский — это модель, а этот язык он живой. Шестов написал в дневнике: «Я слышу его во сне. Он говорит со мной. Он просит, чтобы его произнесли».

— И что потом?

— А потом — ничего. Запись обрывается. Последняя фраза: «Они узнали. Стучат в дверь. У меня есть пять минут, чтобы спрятать тетрадь. Осторожнее с феней. Она не жаргон. Она — дверь».

Алексей молчал. Вера смотрела в окно на унылые, затянутые дымкой поля Ивановской области. Где-то здесь, среди этих лесов и деревень, сто лет назад ходили офени в ярких шароварах, торговали иконами с закрашенными чертиками и говорили на языке, который понимали только свои.

И теперь этот язык — или то, что от него осталось — лежал у неё на коленях.

Село Алексино оказалось не селом, а памятью о селе. Два десятка домов, покосившийся магазин, автобусная остановка с расписанием, которое никто не обновлял с девяностых, и церковь, переделанная в клуб, а потом заброшенная.

Но герб на въезде — тот самый, с изображением офени, несущего короб — был новенький, крашенный, ухоженный. Кто-то здесь помнил предков.

— Что мы ищем? — спросила Вера, когда Алексей заглушил мотор у единственного более-менее приличного дома с вывеской «Гостевой дом».

— Старожилов. Тех, кто ещё помнит язык.

— И как мы их найдём? Спросим: «Кто здесь ботает по фене?» Нас же пошлют

— Не пошлют. — Алексей вытащил из рюкзака копию фотографии, которую нашёл на последней странице тетради Шестова. — Вот.

Фотография была плохого качества, но лица различались. Группа мужчин в косоворотках и картузах, стоящих у крыльца деревянной избы. Надпись на обороте: *«Алексино, 1927 г. Маськи-офени. Хранители слова»*.

— Как думаешь, кто-то из них мог выжить? — спросила Вера.

— В 1927-м им было лет по сорок-пятьдесят. Сейчас — Алексей помолчал. — Нет, не выжить. Но дети и внуки — да. Я звонил в районную администрацию, там сказали, что в Алексино ещё живёт одна семья, которая ведёт род от тех самых офеней. Фамилия — Хромовы.

Они заселились в гостевой дом, оставили вещи и пошли по деревне. Хромовы жили на отшибе, у самого леса. Дом — крепкий, бревенчатый, с резными наличниками и ухоженным огородом. На крыльце сидел старик в чёрной рубашке — на вид под девяносто, но с живыми, цепкими глазами.

— Здравствуйте, — сказал Алексей. — Мы из Москвы, университет. Изучаем диалекты. Можно с вами поговорить?

Старик посмотрел на них долгим, тяжёлым взглядом. Потом перевёл его на Веру — и вдруг усмехнулся.

— Не диалекты вы изучать приехали, касатики. Вы феню приехали слушать. Шестовскую тетрадку нашли.

У Веры отвисла челюсть. Алексей побледнел, но взял себя в руки.

— Откуда вы знаете про тетрадь?

Старик крикнул, поднялся, опираясь на клюку.

— А я её видел. В сорок восьмом. Шестов меня учил, когда я пацаном в лагере был. Не по своей воле, конечно, но учил. Сказал тогда: «Запомни, парень. Наша с тобой феня — это не воровской базар. Это остаток. То, что осталось от языка, на котором Каин с Богом разговаривал, когда брата убил». А потом умер. А мне тетрадку свою завещал, да не отдал — побоялся. Спрятал в тайнике в Вятлаге. И вы, значит, нашли.

Вера и Алексей переглянулись.

— Проходите в избу, — старик развернулся и пошёл, не оборачиваясь. — Чай пить будем. А по дороге расскажу вам, кто такие на самом деле офени. И почему боги боятся воров.

В избе было чисто, тепло и пахло травами. На стенах — старые фотографии, иконы без окладов, странные лубки, которых Вера никогда не видела в музеях. На одном был изображён человек в крылатых сандалиях, крадущий корову у бородатого бога.

— Гермес, — кивнул старик, заметив её взгляд. — Греческий бог. У нас его звали по-другому, но суть та же. Вор. Жулик. Хитрец. Покровитель офеней. Вы думаете, офени — это просто торговцы? А вот и нет.

Он сел за стол, налил им чаю из пузатого самовара — самовар, кстати, был старый, ещё дореволюционный, с медалью «За усердие».

— Офени — это тайное общество. Да-да, не смотрите так. В Российской империи офени были свои в каждом городе, свои знаки, свои законы. Они торговали — да, но это была прикрытия. Настоящее дело — хранить и передавать *слово*. — Он понизил голос, почти до шёпота. — Есть легенда. Когда боги строили Вавилонскую башню, они говорили на одном языке. А когда разрушили — языки смешали, чтобы люди не поняли друг друга. Но офени — потомки тех, кто спрятал несколько слов до смешения. Спрятал и унёс с собой. Эти слова — они как семена. Из них можно вырастить язык заново.

— И эти слова — феня? — спросил Алексей.

Старик кивнул.

— Феня — это только верхушка. Корочка. А под ней — целый пласт. Я его почти забыл, но Шестов научил меня несколькими фразами. Настоящим. Не тем, которые Даль записывал в словарь, а тем, от которых мороз по коже.

Вера вытащила тетрадь, открыла на странице с поговоркой «*Кто не работает — тот не ест*». Показала старику.

— Это правда, что это не поговорка, а формула?

Старик взял тетрадь дрожащими пальцами, провёл по строчкам. У него вдруг намокли глаза.

— Шестов его почерк. Сорок лет прошло, а я помню. Да, деточка, это формула. Только не «кто не работает», а «кто не даёт дела». В оригинале это обращение к духу. Духу, который требует жертвы. Ты ему говоришь: «*Кчон не мастырит, тот не бряет*» — и он отступает. Он не может ничего взять, если ты не вложил в это дело.

— То есть это защита? — уточнил Алексей.

— И защита, и нападение. Всё зависит от того, как сказать. Шестов мне показывал: одно и то же слово, сказанное с разным нажимом, лечит или убивает. Как лекарство и яд. — Старик посмотрел на них внимательно. — Вы уже встретили Хранителей? Тот, кто убил вашего коллегу?

— Откуда вы

— Атас, — коротко сказал старик. — Это слово мы, офени, кричали, когда видели опасность. Но у Хранителей оно значит другое. Для них «атас» — имя. Имя того, кто стережёт порог между языком и делом.

Вера вспомнила тень в читальном зале. Длинные руки. Крылья.

— Тот, у кого тень с крыльями? — спросила она шёпотом.

Старик перекрестился — не по-православному, а как-то странно, тремя перстами слева направо.

— Упокой, Господи, его душу. Значит, видели. Плохо. Очень плохо. Атас — не дух и не ангел. Атас — это *то, что осталось от бога-стража*. Когда Вавилон рухнул, боги ушли. Но некоторые оставили свои тени. Атас — тень Гермеса. Тень вора, который охраняет вход в пещеру, где спрятаны настоящие слова.

— И этот вход где-то здесь? — спросил Алексей, уже догадываясь.

Старик не ответил. Он встал, подошёл к иконе в углу, снял её. За ней оказалась ниша, а в нише — свёрток, перевязанный кожаным ремешком.

— Вы пришли за этим, — сказал он, протягивая свёрток Вере. — Шестов спрятал, а я сохранил. Тут — ключ к первоязыку. Но не полный. Только фрагмент. Остальное — в других местах. У жгонов Костромской области. У шаманов Тувы. В китайской каменной библиотеке. Ищите, касатики, ищите. Только помните: Хранители вас уже нашли. И они не успокоятся, пока вы не умрёте — или пока не заговорите на языке, который нельзя забыть.

Вера развернула свёрток. Внутри лежала старая, пожелтевшая карта, нарисованная на бересте. И несколько листков с записями — почерком Шестова, таким же, как в тетради.

На первом листке было написано:

«Тайное общество офеней и их знаменитый жаргон. Русские офени — потомки древних греков. Даже имя они взяли у жителей Афин. Язык их — не воровской. Язык их — дар божий. Изучая его, я понял, что слово «кимарить» (спать) — это не исковерканное «дремать». Это обращение к богу сна. Каждое слово фени — имя. А имена можно призывать. Будьте осторожны».

Вера подняла глаза. Старик смотрел на неё с грустью.

— Возвращаться сюда не надо, — сказал он. — Вам тут больше не рады. Я передал, что должен был. А теперь ступайте. И дай вам бог не встретить Атаса ещё раз.

Они вышли от Хромова уже в сумерках. Деревня затихла, только собаки лаяли где-то далеко, за огородами. Вера сжимала карту так, будто та могла исчезнуть.

— Куда теперь? — спросил Алексей, когда они сели в машину.

— Карта ведёт в Костромскую область. К жгонам. — Вера развернула бересту, подсветила фонариком телефона. — Здесь пометка: *«Валенки катали — язык прятали. Слова от земли, от воды, от шерсти. Жгон — от мерянского и марийского. Но корни — те же, что у офеней. Ищи реку Нею и деревню, где говорят «своясно»»*.

— Жгоны, — повторил Алексей. — Это же те самые пимокаты? Валенщики?

— Да. У них был свой тайный язык, чтобы скрывать секреты производства от чужаков. Но Шестов считал, что язык жгонов гораздо древнее. Он писал: *«Слова жгонов похожи на офенские, но в них больше архаики. У них сохранился падеж, которого нет у офеней — звательный. И они умеют говорить с вещами. Валенок для жгона — не обувь, а живое существо. И его заговаривают, как зверя»*.

Вера почувствовала, как по спине пробежал холодок. Говорить с вещами. Заговаривать смерть. Убивать словом.

— Лёша, а что, если мы не язык ищем? Что, если мы ищем способ, как боги убивали людей?

Алексей завёл мотор и повернул на трассу. В зеркале заднего вида Вера увидела, как на крыльце дома Хромова зажёгся свет — и сразу погас.

— Может быть, — сказал Алексей. — Но если боги умели убивать словом, то они умели и воскрешать. В любом языке есть отрицание и утверждение. Мы найдём и то, и другое. А теперь давай спать. Завтра у нас долгая дорога к жгонам.

Он включил фары, и машина выкатилась на разбитую просёлочную дорогу.

Вера смотрела на карту, и ей казалось, что береста светится в темноте собственным, необъяснимым светом. Как кость, в которую ушёл фосфор. Или как слово, которое слишком долго ждало, когда его прочитают вслух.

Она не заметила, как Алексей на миг поднял глаза к зеркалу.

И не увидела, что сзади, на той самой дороге, по которой они только что проехали, ни с того ни с сего загорелись две яркие белые точки.

Фары.

Чёрный внедорожник снова нашёл их.

Глава 3. Грамматика бездны

Чёрный внедорожник не преследовал их. Он просто шёл сзади, держа дистанцию в полкилометра, ни обгоняя, ни приближаясь. Это было хуже любой погони. Хуже, потому что непонятно.

— Что они делают? — спросила Вера, то и дело оглядываясь.

— Ждут, — ответил Алексей. — Мы едем туда, куда им нужно. Зачем нас останавливать?

— То есть они знают, куда мы направляемся?

— Они читали ту же тетрадь, что и мы. — Алексей кивнул на папку. — Или даже оригинал. Хромов сказал, что Хранители существуют веками. Они знают про жгонов, про шаманов, про китайскую библиотеку. Всё это уже нанесено на их карты. Вопрос не в том, куда мы едем. Вопрос в том, зачем мы туда едем.

Вера задумалась. Зачем? Восстановить язык, чтобы чтобы что? Опубликовать статью в «Вопросах языкознания»? Получить грант? Стать мировой звездой лингвистики? Это было смешно. Ни один научный журнал не примет статью о языке, слова которого убивают.

— Мы ищем правду, — наконец сказала она. — Просто правду. О том, откуда взялся язык. О том, почему мы говорим так, а не иначе. И о том, почему одни слова лечат, а другие — калечат.

— Достаточно, чтобы за нами охотились тени богов? — усмехнулся Алексей.

— А ты хотел бы, чтобы за нами охотились за что-то другое?

Он не ответил. Дорога уходила в лес, потом выныривала к полям, потом снова ныряла в чащу. Внедорожник не отставал.

Костромская область встретила их туманом и мелким, противным дождём. Дороги стали ещё хуже, и к вечеру Алексей понял, что им нужно где-то переночевать, прежде чем искать жгонов.

Они остановились в Мантурово — райцентре, который помнил лучшие времена. Гостиница оказалась бывшим общежитием, но было чисто, тепло и, главное, там ловил интернет.

Вера устроилась за столом с ноутбуком, а Алексей принялся изучать карту Хромова. Береста была старой, но линии — чёткими. Чья-то твёрдая рука вывела реку Нею, поставила крест на месте, где когда-то стояла деревня с названием, которое Вера не могла прочитать. Буквы были не кириллицей, не латиницей, не греческой — какой-то четвёртой системой, похожей на вязь.

— Это не письменность, — сказала Вера, заглядывая ему через плечо. — Это мнемонический рисунок. Каждая линия — это звук. Смотри, вот здесь изгиб похож на падение тона, а здесь — на подъём. Это не карта местности. Это карта произношения. Навигатор по языку.

— То есть если мы правильно прочитаем этот рисунок, то узнаем, как произносить слова?

— Не просто произносить. Понимать. Видишь эти узлы? Это точки перехода. В одном месте интонация меняет смысл слова на противоположный, в другом — род, в третьем — время. Это не язык в нашем понимании. Это партитура. Нотный стан для гортани.

Алексей присвистнул.

— И Шестов это расшифровал?

— Он был филологом-классиком. Такие вещи чувствуют, как музыканты — фальшивую ноту.

Вера вернулась к ноутбуку и открыла файл, который скачала ещё в Москве — оцифрованную версию словаря жгонского языка, составленного недавно местным энтузиастом А. В. Громовым. Там было больше тысячи слов. Большинство — очевидные искажения русского: «упаки» — валенки (от «упаковывать»), «потетесы» — картофель (от английского «potatoes»), «сенжить» — понимать (от греческого). Но были и те, что не вписывались ни в какие рамки.

— «Безбилетник» — таракан, — прочитала она вслух. — «Мокропузик» — огурец. «Беззаботный» — самовар. Лёша, это же не шифр. Это название по свойству. Таракан — тот, кто лезет без спроса. Огурец — тот, у кого мокрое брюхо. Самовар — тот, кто беззаботно кипит. Это архаичное мышление, понимаешь? Это не жаргон, это мировоззрение.

— Какое?

— Магическое. В магическом мышлении вещь не имеет имени — имя имеет свойство. Назвать таракана «безбилетником» — значит признать, что он чужой, незванный, и может быть изгнан. Произнося такое слово, ты совершаешь действие.

Вспомнилось: в тетради Шестова было то же самое. Он называл офенские слова «именами-действиями». Сказать — значит сделать. Именно поэтому язык был опасен. Именно поэтому Хранители убивали тех, кто начинал говорить на нём слишком громко.

— Вера, — Алексей поднял голову от бересты, — посмотри на эту строчку. Вот здесь, на обороте. Что это?

Она перевернула карту. На обратной стороне бересты, почти стёршаяся от времени, была фраза, написанная по-русски, но с необычными ударениями:

«Жихморка у жгона саёвая».

— Что это значит? — спросил Алексей.

— Я помню это из словаря Громова. «Жихморка» — жизнь. «Саёвая» — хорошая. «Жизнь у жгонов хорошая». Обычная фраза.

— А если прочитать с другим ударением?

Вера попробовала. Сдвинула ударение с первого слога на второй — «жихмОрка». Внутри что-то ёкнуло. Это было неправильно, неестественно, но слово зазвучало иначе. Оно стало короче, жёстче, словно в нём появилась металлическая нота.

— Ничего себе, — прошептала она. — «ЖихмОрка» — это не жизнь. Это смерть? Или что-то близкое к смерти. «У жгона саёвая» — у жгона не хорошая, а законная? Принятая? Лёша, это значит: «Смерть у жгона законная». Но это же бред.

— Или не бред. — Алексей забрал у неё бересту. — Смотри, здесь Шестов написал комментарий на полях. Совсем мелко, я сначала не заметил. «В жгонском языке ударение не фонетическое, а семантическое. Смещение тона меняет онтологический статус слова. Жизнь и смерть — две стороны одного корня. Произносить одно — призывать другое. Будьте осторожны в экспериментах».

Они переглянулись. В комнате стало тихо. Только дождь барабанил по подоконнику.

— Мы имеем дело с языком, где нет стабильных значений, — тихо сказала Вера. — Значение плавает в зависимости от тона, контекста, даже от времени суток. Этот язык нельзя выучить как английский или немецкий. Его можно только ощутить. Как музыку. Или как яд.

— Поэтому Хранители нас не трогают, — вдруг сказал Алексей. — Они не боятся, что мы найдём язык. Они боятся, что мы его поймём. А понять его, не владея им, невозможно. Владеть им — значит уметь убивать и воскрешать. Они думают, мы не решимся.

— А мы решимся?

Алексей не ответил. Он просто взял её руку и сжал. Пальцы были холодными, но сильными. Как у человека, который принял решение, даже не оформив его в слова.

Наутро дождь кончился. Туман рассеялся, и они поехали искать деревню, где жили жгоны. Место на карте оказалось километрах в тридцати от Мантурово, у слияния реки Неи с каким-то безымянным ручьём. Деревня называлась Свояси — что, как понял Алексей, было искажением «своё место» или «своя земля».

На въезде стоял покосившийся указатель: «ул. Жгонская, 1-15». Всё. Больше никаких ориентиров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.